


# **ШЕДЕВРЫ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ**



АЛЕКСАНДР  
ДОБРОВИНСКИЙ

# ШЕДЕВРЫ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ДЕТЕКТИВНЫЕ  
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ  
ИЗВЕСТНОГО АДВОКАТА

 **БОМБОРА**  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 821.161.1-32  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д56

Фото на обложке: *Дмитрий Каманин*

**Добровинский, Александр Андреевич.**

Д56 Шедевры и преступления. Детективные истории из жизни известного адвоката / Александр Добровинский. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-201137-5

«Шедевры и преступления» — это сборник повестей известного адвоката, писателя, коллекционера, гольфиста, публициста и путешественника Александра Андреевича Добровинского.

В нем он с юмором, жизнелюбием и присущей ему тонкой сатирой рассказывает об интригах и тайнах мира искусства. Вы будете наблюдать за расследованием самых громких дел о похищениях и подделках, которые будоражили умы на протяжении многих лет.

УДК 821.161.1-32  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201137-5

© Александр Андреевич Добровинский, текст, 2024  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

# КОЛЛЕКЦИЯ ПОРТРЕТОВ

Из участников тех событий осталось несколько свидетелей. Но они никогда ничего не расскажут. И не потому, что они не видели тех страшных преступлений, предательств и расследования. Не потому, что они чего-то боятся или не имеют права говорить. Они все видели, все знают, и им уже ничего не страшно. Просто они — шедевры живописи и обязаны молчать. Вместо них все расскажу я.

— Привет, студент! Тебе деньги нужны?

Вопрос двадцатилетнему парню, полгода назад приехавшему из Москвы в Париж, звучал издевательски. Это была самая середина семидесятых, и я каждый день наслаждался старой доброй Европой в городе света. Мой дядя жил в Париже с двадцатых годов, знал несметное количество народа, и моя просьба по поводу работы не осталась без внимания. Конечно, после такого вопроса где-то под рубашкой теплилась надежда, что любимый родственник даст тысячи две франков на гулянку. Дядя меня очень любил, говорил, что я на него похож немного внешне и много внутренне, но на этот раз я подарка не дождался.

— Мне позвонили знакомые. Они ищут смышленного молодого человека, который прилично владеет русским, французским и английским языками.

— А что надо делать?

— Понятия не имею. Впрочем, какая тебе разница. Они хорошо платят: никогда не слышал, чтобы работнику в антикварной лавке платили столько денег. Честно говоря, мне за тебя боязно слегка... Не факт, правда, что тебя возьмут. Но попробовать стоит. Или у тебя другие планы на жизнь?

Гениально и нереально одновременно. Не спугнуть бы шанс. В те годы русское искусство было безумно интересно и модно по всему Западу. Особое место занимал пласт под названием «Вокруг Дягилева<sup>1</sup>». Даже не просто «Русские сезоны», а именно все, что имело (и все, кто имел) хоть какое-то, пусть косвенное, отношение к великому продюсеру из Перми. От шедевров давно ушедшего в лучший мир Леона Бакста<sup>2</sup> до живого и здорового на тот момент Сержа Лифаря<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Дягилев, Сергей Павлович (1872г., Селищи, Новгородская губерния, Российская империя — 1929 г., Венеция, Королевство Италия) — русский театральный и художественный деятель, меценат. Один из основателей и главных идеологов общества «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева», антрепренер. Сыграл одну из решающих ролей в популяризации русского искусства в Европе и мире на рубеже XIX–XX веков. «Открыл» многих талантливых артистов балета, композиторов и художников (Ида Рубинштейн, Вацлав Нижинский, Игорь Стравинский).

<sup>2</sup> Бакст, Леон (Бакст Лев Самойлович) (1866 г., Гродно, Гродненская губерния, Российская империя — 1924 г., Париж, Франция) — русский художник, сценограф, иллюстратор и дизайнер. Мастер станковой живописи и театральной графики, участник объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева. Художник-постановщик спектаклей Русского балета Дягилева «Клеопатра» (1909 г.); «Карнавал», «Шахерезада» и «Жар-птица» (1910 г.). Портретист, известные портреты — Зинаиды Гиппиус, Айседоры Дункан, Жана Кокто.

<sup>3</sup> Лифарь, Серж (Лифарь Сергей Михайлович) (1905 г., Киев, Российская империя — 1986 г., Лозанна, Швейцария) — французский артист балета,

Надо сказать, что сам Париж был наводнен антикварными магазинами, специализировавшимися на нашем искусстве. На левом и правом берегу Сены главенствовали в городе две галереи современного искусства легендарной Кати Гранофф<sup>1</sup>. Одна из ее галерей находилась на площади Бове, в ста метрах от президентского дворца, а рядом, в великолепном старинном особняке, располагались сменяющие друг друга министры внутренних дел и их подчиненные. Традиционно каждый вновь назначенный министр должен был в первые же дни засвидетельствовать свое почтение великой соседке. Не менее легендарная Дина Верни<sup>2</sup>, хозяйка потрясающей галереи и пантеона великого

---

*балетмейстер, теоретик танца, коллекционер и библиофил. До 1929 года танцевал в «Русских сезонах» Дягилева, после его смерти был премьером Парижской оперы. Лифарь также читал лекции по истории и теории балета, был основателем Парижского университета хореографии и Университета танца. Знаменитые балеты с его участием — «Свадебка», «Блудный сын».*

<sup>1</sup> Гранофф, Катя (Гранова Екатерина Федоровна) (1896 г., Николаев, Херсонская губерния, Российская империя — 1989 г., Париж, Франция) — французская поэтесса, владелица и основательница картинной галереи *Lagock-Granoff*. Кавалер Ордена почетного легиона, офицер Национального ордена «За заслуги» (Франция), награждена Национальной медалью искусств, наук и литературы. Гранофф была первооткрывателем таких талантов, как Жорж Буш, Марк Шагал и других.

<sup>2</sup> Верни, Дина (Айбиндер Дина Яковлевна) (1919 г., Кишинев, Королевство Румыния — 2009 г., Нёйи-сюр-Сен, Франция) — французская натурщица и галеристка, искусствовед, певица, муза скульптора Аристида Майоля. Кавалер ордена Почетного легиона. Верни позировала также Матиссу, Боннару, была знакома с Бретоном, Дюшаном, снималась в кино вместе с Жаном-Луи Барро и Бернаром Блие. Выступала в эстрадном коллективе «Октябрь». Дина Верни — соавтор многочисленных альбомов и каталогов современных художников, в том числе Сержа Полякова, Эрика Булатова, Андре Бошана. Известна также как коллекционер антикварных

скульптора Аристиды Майоля<sup>1</sup>, находилась недалеко от площади Сен-Жермен.

Прямо напротив президентского дворца на улице Фобур Сент-Оноре возвышался над всеми коллегами, может быть, самый известный русский антикварный магазин господина Попова. Известен он был шедеврами живописи и фарфора, и ни один турист, захотевший посмотреть на президентский кортеж и почетный караул, не мог не заметить витрины с картинами Рокотова<sup>2</sup>, Айвазовского<sup>3</sup>, Борови-

---

кукол. Ее коллекция признана одной из лучших в мире по своему художественному уровню.

<sup>1</sup> Майоль, Аристид (1861–1944 г.г., Баньюльс-сюр-Мер, Ле-Пертю, Руссильон, Франция) — французский скульптор и живописец каталонского происхождения. Известные работы — «Леда», «Ночь», «Мысль», «Флора». Три бронзовые скульптуры работы Майоля украшают парадную лестницу здания Метрополитен-опера в Нью-Йорке: «Лето», «Венера без рук» и «Женищина на коленях: памятник Дебюсси».

<sup>2</sup> Рокотов, Федор Степанович (1735 г., имение Воронцово, ныне в черте Москвы–1808 г., Москва, Российская империя) — русский живописец, крупнейший московский портретист русского классицизма эпохи царствования Екатерины II, составивший также портретную галерею московской знати этого периода. Академик Императорской Академии художеств (с 1765 г.). Известные работы — «Портрет Г. Г. Орлова», «Портрет А. П. Струйской». Из-под его кисти вышли целые фамильные галереи (например, графов Воронцовых).

<sup>3</sup> Айвазовский, Иван Константинович (Айвазян Ованнес) (1817–1900 г., Феодосия, Таврическая губерния, Российская империя) — представитель русской живописи, выдающийся маринист, коллекционер и меценат. Живописец Главного морского штаба, действительный тайный советник, академик и почетный член Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, почетный член Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте. За свою жизнь художник устроил порядка 125 персональных выставок в России и за рубежом. Известные работы — «Неаполитанский залив», «Исаакиевский собор в морозный день», «Девятый вал».

ковского<sup>1</sup>, а также царскими сервизами Николая I и всех трех Александров.

Еще через сто метров по направлению к магазину Hermes во дворе располагалось небольшое гнездо антикварщиков. Шесть или семь магазинов. Среди них милейшая лавочка Нины Кутузовой, специализировавшейся на поповских, гарднеровских и кузнецовских фигурках, а также на ювелирных украшениях XIX века. Чуть дальше, если пересечь рю Руаяль со знаменитым рестораном Maxim's, мельком взглянув направо (здание Национальной ассамблеи) и налево (церковь Святой Мадлен), можно было заглянуть к старику Джанчеву, который, посапывая, сидел в своем уютном удобном кресле, но все видел и слышал. Продажами занимался его сын, феноменальный знаток русской эмали и серебра. Видя хорошего клиента, папа Джанчев отодвигал пятидесятилетнего сынишку и приносил откуда-то из своих дебрей шедевры Фаберже. Если сделка происходила удачно, папа Джанчев возвращался в любимое кресло, и сон наступал с улыбкой на лице хозяина, а в случае, если сделка не срасталась, это был просто сон. Полчаса пешком по этой же улице — и мы натыкались на магазин «Санкт-Петербург». Владелец был из эмиграции начала семидесятых, и невзрачность обстановки компенсировалась всегда хорошим подбором книг, изысканными редкостями и двумя красивыми дочками.

Напротив главного православного собора Парижа находились два пользовавшихся популярностью заведения: ресторан

---

<sup>1</sup> Боровиковский, Владимир Лукич (1757 г., Миргород, Гетманщина-1825 г., Санкт-Петербург, Российская империя) — русский художник, мастер портрета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии художеств. Творчество В. Л. Боровиковского являет собой слияние развивавшихся в одно и то же время стилей классицизма и сентиментализма. Известные работы — «Портрет Е. А. Нарышкиной», «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке», «Портрет М. И. Лопухиной».

«Петроград» с вкуснейшими пирожками и антикварная лавка господина Сияльского. Хозяин занимался книгами и военными артефактами: погоны, нагрудные полковые знаки, ордена, униформы, оружие и так далее. Все, что связано с оружием и военными штуками, предлагали и в галерее Горчакова на втором этаже антикварного центра Лувр.

На бульваре Монпарнас находился чудный и какой-то интеллигентный, что ли, антикварный салон Брюллова. Около бульвара Сен-Жермен — букинистический магазин «Каплан и сыновья». А подальше — знаменитая ИМКА-Пресс, книжное издательство, возглавляемое Никитой Струве<sup>1</sup>. Но там же можно было найти раритеты. Даже на блошином рынке была пара магазинов, тонущих в страстях русского искусства. Один назывался «Гори, гори!», с очаровательной хозяйкой Еленой Задорной. Она время от времени брала гитару и очень приятным голосом напевала: «Гори, гори, моя звезда...» Вторая лавочка с вновь прибывшей из Москвы девушкой по прозвищу Чита была маленькой, но бойкой. Кроме всего вышперечисленного, существовали в Париже еще несколько галерей с иконами и штук пять магазинов, особого внимания не заслуживающих.

---

<sup>1</sup> Струве, Никита Алексеевич (1931 г., Булонь-Бийанкур, Франция–2016 г., Масси, Эсон, Иль-де-Франс, Франция) — французский русист, издатель и переводчик, публицист, исследователь проблем русской эмиграции и культуры России. Большое влияние на Никиту Струве как исследователя истории русской культуры оказало личное общение с Иваном Буниным, Борисом Зайцевым, а впоследствии с Анной Ахматовой, Александром Солженицыным. Главный редактор журнала «Вестник русского христианского движения». В 1978 году возглавил крупное русскоязычное европейское издательство YMCA-Press. С 2001 года был главным редактором издательства «Русский путь». Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1999 г.) за сохранение и пропаганду культурного наследия русского зарубежья в России.

Дядя протянул мне бумажку с номером телефона и именами: Виктор и Виолетта Пахомовы.

Оставалось только позвонить и назначить встречу.

Это была не беседа с помощником, желающим подработать у скучающих старичков пару дней в неделю. Нет... Это был самый настоящий допрос человека, который хочет устроиться шифровальщиком в КГБ, Моссад, МИ-6 или, на худой конец, в ЦРУ.

Огромный двухэтажный магазин представлял собой невероятное собрание всего того, что можно было себе вообразить у дилера антиквариата с тягой к старьевщику. Здесь было все: книги, рукописи, картины, ковры, гобелены, фарфор, бронза, художественное стекло, мебель и даже кружева.

Я с удивлением смотрел по сторонам, мало обращая внимание на то, что допрос довольно быстро набирал обороты:

Где я родился?

Как хорошо я знаю языки? А почему я не знаю немецкий?

Почему я разбираюсь в антиквариате?

Кто мои родители?

Зачем мне работа?

Что я делал в Москве ровно год назад?

Кем я хочу стать?

И еще штук сто идиотских вопросов. Потом все то же самое на английском. Чашка кофе, и еще разок на французском. Мне стало уже интересно. Я заметил, что хозяин, который на вид был ровесником фараона (хотя дядя мне сказал, что его друзьям нет еще и шестидесяти), говорил на прекрасном и очень чистом (что вообще у эмигрантов редко встречается) русском языке, а Виолетта, которая внешне казалась немного старше своего мужа, с каким-то явным акцентом. И еще Виктор едва заметно хромал. Что же касается госпожи Пахомовой, то, несмотря на воз-

раст, ее фигура могла вызвать зависть даже у двадцатилетних красавиц.

Когда допрос был закончен, пара попросила меня посидеть внизу, а сама отправилась на антресоль, где началось пятнадцатиминутное шептание. Я напряг слух, как только мог, но сверху долетали лишь жалкие обрывки фраз:

«Мы знаем его дядю с...», «Это разные...», «Если он умный, то по вопр... все понял», «Как хочешь, можем еще поиск...», «Мы уже не справимся...», «Ты уверена...»

Становилось понятно, что по каким-то параметрам я этим психам не подхожу.

Погрустневший дядин протеже допил свой кофе, доел печенье и встал навстречу шаркающим сверху шагам. Спустилась только Виолетта, Виктор остался наверху писать что-то.

— Мы берем тебя на работу с испытательным сроком в месяц. Однако надо запомнить следующие вещи: никогда не вступать в разговор с клиентом или с кем-либо, кто сюда зашел, без нашего обращения к тебе или разрешения. Никогда не реагировать на то, что здесь происходит, что бы это ни было. Если нас будут грабить, вот здесь тревожная кнопка в полицию. Но лучше ее не нажимать: ничего хорошего от легавых ждать нельзя. Тебя интересует, что у меня за акцент. Не ври, я вижу, что интересуется. Я родилась в Эльзасе, мой родной язык немецкий. В тридцать первом я переехала в Париж и познакомилась с Виктором. У него уже был этот магазин, и в основном все клиенты были из России. Мне действовало на нервы, что я ничего не понимаю, и я пошла учить язык в институт восточных языков. Через год мы поженились. А вообще, чем меньше ты будешь задавать вопросов, не связанных с работой, тем лучше. В первую очередь для тебя. Теперь о том, что надо делать. Твоя задача — каждое рабочее утро покупать нам две газеты. Мужу — Le Figaro, мне —

L'Humanité. И три круассана с маслом. Два нам, один тебе. Также тебе придется классифицировать и описывать вещи. Но работа бывает разная. В подвале находится библиотека. Когда дойдут руки и время, там надо тоже разобраться. Мы поставили туда стол и стул. Туалет здесь и в подвале. Кофе здесь. Теперь к делу. Недавно вышло постановление, по которому все предметы из драгоценных металлов, продающиеся в антикварных магазинах, должны иметь французскую пробу, чтоб они там все сгорели. Я имею в виду не вещи, конечно, а чиновников. Приходится описывать каждый предмет и указывать этим идиотам, где ставить пробу. Иначе они могут поставить ее на эмали, посередине портсигара и тому подобное. Думаю, что делают это нарочно. Портят, и все. Вредители. Тебе нужно описывать предмет и точно указывать расположение будущей пробы. Так мы сможем избежать французского вредительства. Понятно? И еще: то, что ты здесь увидишь и услышишь, должно оставаться здесь. Работать начнешь прямо сейчас. Если что-то не устраивает — вот дверь.

«Точно психи», — решил я. Но деньги были нужны кровь из носа, и я согласился.

Единственное, меня смущало полное отсутствие в обозримом пространстве любых предметов, хотя бы издали напоминающих драгоценные металлы. Но, в конце концов, психи есть психи. Тем не менее день был полон сюрпризов. Виолетта поднялась наверх, долго ковырялась в какой-то камерке и, наконец, спустившись, положила передо мной на стол четыре невероятной красоты золотых портсигара. Два — Фаберже и два — просто непонятного ювелирного, но явно русского дома. Потом постояла надо мной, забрала изделия Фаберже, положила их в карманы жуткого синего передника и, буркнув: «Начни вот с этих», удалилась в глубь первого этажа.

Через час зашла пара людей. Я перестал печатать, поймал на себе одобрительный взгляд госпожи Пахомовой, заметил, что

Виктор наверху даже не шелохнулся и уткнулся в свою рукопись. Разговор шел по-французски:

— Пожалуйста, входите. Вы ищете что-то конкретное? Если да, скажите, и я в этих дебрях попробую найти вам шедевр.

— Добрый день, мадам. Нет, ничего такого определенного мы не ищем. Нам нужен подарок для друзей на свадьбу.

Слева над моей головой свисал типично французский небольшой пейзаж с желтеньким коровником или сараем на фоне живописной лужайки. На мой взгляд, полный отстой. Между тем Виолетта, поймав взгляд мужчины, абсолютно неожиданно для меня сказала:

— О, не обращайте внимания на молодого человека. Это дальний родственник моего мужа. Мальчик только что приехал из России: ни одного слова по-французски. Но мы же должны помогать эмигрантам, не правда ли?

— Да, несомненно. Скажите, а сколько стоит эта картина?

Гнусный пейзаж над моей головой имел успех.

— Простите, я плохо слышу. Возраст. Что вы сказали?

— Сколько стоит эта картина, мадам? — К двум октам выше предыдущей беседы прибавился еще «перст указующий».

— Ой, я не знаю. Всеми ценами владеет мой муж. Сейчас спрошу.

И дальше также на французском:

— Дорогой, скажи, сколько стоит эта желтая картина в углу над столом?

Громкий голос сверху:

— Какая корзина?

— Извините, он ничего не слышит. Оторвись уже от своих бумаг. Картина желтая, в углу над Александром! Сарай или свинарник.

— А... подожди. Мы ее купили в шестьдесят втором за восемь тысяч. Десять — крайняя цена, дорогая. Не отвлекай, я весь в бухгалтерии.

И вот тут, обернувшись к покупателям, сморщив лицо до неузнаваемости, Виолетта внезапно для дальнего родственника из России спросила:

— Простите, я не расслышала, что муж сказал. Четыре тысячи?

Я сидел каменный, как Наполеон на лошади в противоположном углу магазина.

В красивом венецианском зеркале отражались лица покупателей.

У мужчины слегка дрогнул глаз. Что же касается дамы, то она, едва одернув своего спутника, быстро сказала:

— Да, мадам. Франсуа, отсчитай четыре тысячи. Заворачивать не надо, мы очень торопимся.

Когда колокольчик на двери обозначил, что пара исчезла с глаз, Виолетта, показывая «родственнику из России» оттопыренный большой палец, крикнула мужу наверх:

— Запиши! Рухлядь с блошиного рынка, которую ты купил месяц назад за пятьсот франков, продана за четыре тысячи!

— Что ты орешь? Я все слышал. Александр подумает, что я действительно глухой. Пойдем съедим по салату в кафе за углом. Саша, ты с нами?

...За неделю я переписал все изделия, и мы с Виктором отправились в Пробирную палату на его стареньком, но по-прежнему элегантном СХ. Я работал через день, иногда чаще, и быстро освоился с терминологией поручений, а также необычным поведением хозяев. Эта пещера Али-Бабы пользовалась у парижан большим успехом. Я был поражен, но не было ни одного дня, чтобы супруги не продали бы пять-шесть вещей разным клиен-